

РОЛЬ СЕКРЕТНЫХ КОМИТЕТОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА НИКОЛАЯ I В ВОССОЕДИНЕНИИ УНИАТОВ

*Иерей Вячеслав Шеститко
(Минск, Минская духовная академия)*

Яркой чертой эпохи правления императора Николая I Павловича (1825–1855) стало создание и функционирование целой чреды новых для России совещательных органов – Секретных комитетов. Особенностью того времени был тот факт, что государственная система России в основном состояла из исполнительских органов. В ней не было учреждений, призванных заниматься разработкой преобразований. Вместе с тем, усложнение политической жизни и возникавшие в процессе управления громадной империей трудности приводили к тому, что монарх, при всем своем желании, не мог предложить решения для множества государственных задач. Поэтому для обсуждения остро стоявших вопросов и создавались особые Секретные комитеты, призванные всесторонне рассмотреть возникшие проблемы и разработать пути их разрешения. Часть законопроектов, подготовленных и обсужденных в таких комитетах, поступала в Государственный совет или в Комитет Министров; другие утверждались императором единолично; третьи вообще не получали никакого движения, так как не были одобрены монархом. Деятельность Секретных комитетов происходила на фоне попыток государя усилить контроль над всеми органами власти. Таким способом Николай I хотел добиться истребления коррупции и взяточничества, точного исполнения законов, слаженной работы всего государственного ме-

ханизма наподобие армейской системы с ее субординацией и четким выполнением приказов. В рамках этой политики в 1826 г. и был создан первый из Секретных комитетов, задачей которого стал разбор бумаг, оставшихся после Александра I и рассмотрение вопроса о возможных государственных преобразованиях. В дальнейшем практика создания всевозможных Секретных комитетов получила широкое распространение – например, в период с 1840 по 1843 гг. действовало 6 только финансовых Секретных комитетов. Некоторые из Секретных комитетов создавалась и для рассмотрения вопросов связанных с религией и конфессиональной политикой Российского правительства (например: Секретный комитет о раскольниках и отступниках, Секретный комитет высшей церковной цензуры и т. п.).

Но существовала еще одна причина учреждения множества секретных комитетов императором Николаем I, и эта причина имела личный характер. Хотя Николай Павлович и был богато одарен от природы практическим умом, его образование и подготовка совершенно не соответствовали тому высокому положению во главе огромнейшей империи, которое волею судьбы ему пришлось занять. Образование юного великого князя было построено таким образом, что он получил лишь «отрывочные, без всякой логической связи и общих выводов, сведения по разным отраслям знаний» [2, с. 22]. По воспоминаниям В.А. Муханова, политические науки «и не упоминались при воспитании императора» [3, с. 90]. В итоге, Николай «сам устранился своего неведения и старался по возможности образовать себя чтением и беседами с людьми учеными» [3, с. 90], однако обстоятельства жиз-

ни и многочисленные заботы не благоприятствовали этому. Вся государственная деятельность Николая Павловича до его вступления на престол ограничилась лишь скромной должностью бригадного командира и заведующего инженерной частью. Он взошел на престол «совершенно не посвященный в вопросы высшей политики и не принимавший никакого участия в государственных делах, совершенно не зная требований своего времени и внутреннего состояния государства» [2, с. 32]. Между тем, внутреннее и внешнее положение Российской империи после царствования Александра I было весьма тяжелым: страна еще не оправилась от ударов, нанесенных Отечественной войной, налицо было расстройство финансов и экономики в целом, огромный вред стране наносили злоупотребления чиновников, оставался нерешенный крестьянский вопрос – все это создавало целый клубок требовавших немедленного разрешения проблем. Однако, «неопытный и неподготовленный молодой государь» оказался «совершенно одинок в управлении страной» [2, с. 50]. Обстоятельства, сопровождавшие его вступление на трон, развили в нем склонность доверять лишь небольшому кругу преданных ему лиц. Император имел обычай долго присматриваться к человеку, и если находил его заслуживающим доверия, то полагался на него безгранично. Недостающую же опытность в управлении государством император попытался восполнить путем создания особых Секретных комитетов, призванных сначала всесторонне рассмотреть и обсудить, а затем выработать программы разрешения важнейших вопросов внутренней, внешней и военной политики [2, с. 52]. Чаще всего членами этих Секретных комитетов назначались упомянутые выше доверенные императору

лица. Уже в конце первого года своего правления, 6 декабря 1826 г., император учредил первый Секретный комитет под председательством графа В.П. Кочубея. Задачей этого комитета, по мысли Николая I, было «обстоятельное обозрение разных предположений, найденных в бумагах покойного Государя Императора <...> дабы из сих соображений вывести правила к лучшему их устройству и исправлению» [11, с. 15]. К деятельности этого комитета император имел пристальное внимание, собственноручно начертав записку с пояснением его задач и повелением еженедельно уведомлять его о ходе заседаний [11, с. 16]. Хотя этот комитет просуществовал достаточно долго – до апреля 1830 г., и журналы его заседаний представляют собой весьма объемный фолиант, его предложения осуществились далеко не в полном объеме. Практика учреждения особых Секретных комитетов впоследствии получила широкое распространение, но внимание императора к их деятельности, до и сами результаты работы комитетов были еще более скромные. В числе подобных учреждений и находится рассматриваемые нами Секретные комитеты, связанные с делами греко-католической церкви в пределах Российской империи.

В 1827 г. молодой греко-католический прелат и заседатель Второго (униатского) департамента Римско-католической духовной коллегии в Санкт-Петербурге Иосиф Семашко предоставил российскому правительству записку «О положении в России Униатской церкви и о средствах возратить оную на лоно Церкви Православной». Эта записка была рассмотрена и одобрена императором Николаем I и стала причиной перемены конфессиональной политики российских властей в отношении униатской

церкви. Со стороны правительства главе этого процесса стал сам император Николай Павлович, а непосредственным исполнителем был назначен Дмитрий Николаевич Блудов [4, с. 112], занимавший должность товарища министра народного просвещения, в ведении которого на тот момент находились дела иностранных исповеданий. В рамках этого воссоединительного процесса и появилось предложение о создании особого Секретного комитета по униатским делам. Мысль о необходимости подобного комитета на государственном уровне была высказана в июне 1834 г. в секретном докладе Д.Н. Блудова императору [5, л. 5–12]. К этому моменту Дмитрий Николаевич уже занимал пост министра внутренних дел, и именно его ведомству с 1832 г. были переданы все дела иностранных исповеданий. В своем докладе Блудов предлагает ввести в состав комитета важнейших членов Святейшего Синода, обоих начальников униатских епархий, несколько светских чиновников и обер-прокурора Святейшего Синода. Целью заседаний Секретного комитета, по мысли доклада Блудова, будет «согласиться мало по малу и почти нечувствительно без особых объяснений в правилах касательно взаимных отношений Греко-Российской и Греко-Униатской Церкви, обдумать и приготовить меры, которые нужно принять в последствии для успешного хода Униатского дела» [5, л. 9].

9 мая 1835 г. Блудов отправил обер-прокурору С.Д. Нечаеву официальное отношение об учреждении «Секретного комитета по делам греко-униатским» с поименным указанием всех назначенных государем членов [5, л. 1]. Со стороны православных это были: первенствующий член Святейшего Синода, митрополит Новгородский, Санкт-

Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский); митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) и архиепископ Тверской и Кашинский Григорий (Постников). Со стороны униатов в комитет вошли: греко-католический митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Иосафат (Булгак) и епископ Литовской греко-униатской епархии Иосиф (Семашко). Со стороны правительства в комитет вошли: министр внутренних дел Д.Н. Блудов, обер-прокурор Святейшего Синода С.Д. Нечаев, генерал П.А. Толстой, статский советник А.Ф. Голицын, статс-секретарь и управляющий Первым отделением Собственной Его Величества канцелярии А.С. Танеев. Такой состав комитета не вызывает каких-либо недоумений и целиком соответствует духу и стилю руководства в николаевскую эпоху. Так же известно, что 26 мая 1835 г. по предложению Блудова император повелел предварить заседания особыми совещаниями лиц из состава комитета, но гораздо более узкого круга (митрополит Филарет (Дроздов), епископ Иосиф (Семашко), С.Д. Нечаев и Д.Н. Блудов) [13, с. 172]. Причиной проведения таких «предварительных совещаний» Блудову виделось то обстоятельство, что «при некоторых членах комитета обсуждать дела во всех отношениях было бы и не прилично и не безопасно» [13, с. 174]. Таким образом, фактически создавались два комитета, призванные обсуждать и решать одни и те же вопросы, но разделенные стеной секретности между собой – большой и малый. О заседаниях и деятельности этого последнего комитета мы можем только догадываться – протоколов его заседаний обнаружить не удалось.

Первое заседание большого Секретного комитета состоялось 3 июля 1835 г. в г. Санкт-Петербурге в Алексан-

дро-Невской Лавре. В декабре того же года состоялось еще одно заседание этого комитета, а в марте 1836 г. – еще одно. На этих заседаниях были рассмотрены вопросы образования униатского юношества и восстановления восточного богослужения в униатских храмах. По этим вопросам были сделаны необходимые распоряжения, из которых особо следует отметить решение о передаче греко-униатских духовных училищ ведению Комиссии духовных училищ. Третье заседание комитета проходило без обер-прокурора С.Д. Нечаева, вынужденного еще в феврале взять отпуск, чтобы уехать к умирающей жене в Крым. К этому времени Нечаев совершенно настроил против себя синодальных членов, решившихся в конце концов на отчаянный шаг. В его отсутствие члены Синода подготовили императору доклад, в котором просили «дать Нечаеву, как человеку обширных государственных способностей, другое, более весомое назначение, а обер-прокурором назначить графа Протасова». И Нечаев действительно был уволен от должности обер-прокурора, произведен в тайные советники и назначен сенатором. С этого времени «Секретный комитет по делам греко-униатским» фактически прекратил свою работу, хотя формально его деятельность никак не останавливалась и он не был распущен.

С февраля 1836 г. исполняющим обязанности обер-прокурора был назначен Николай Александрович Протасов (1798–1855), бывший участник русско-турецкой войны и польских походов. 25 июня того же года Протасов был окончательно утвержден на этом посту и занимал его до самой своей смерти, в течении 20 лет! Время его обер-прокурорства характеризуется исключительным усиле-

нием власти этой должности. Фактически, при Протасове завершилось превращение обер-прокурора Святейшего Синода в единоличного руководителя всех церковных учреждений. Уже в 1836 г. была создана особая канцелярия обер-прокурора, куда тянулись все нити управления церковным организмом. Во время обер-прокуратуры Протасова любая мелочь в церковных делах требовала санкции правительства, а сами его распоряжения скорее напоминали воинские приказы. Существует крылатое высказывание, ошибочно приписываемое митрополиту Филарету (Дроздову) о том, что Протасов «сонмом архиерейским, как эскадроном на ученье, командовал». Даже обучение в духовных учебных заведениях в этот период приобрело военно-дисциплинарный характер. Поскольку не было возможности высказать малейшее несогласие с всемогущим обер-прокурором, даже такие маститые архипастыри, как Филарет (Дроздов) и Филарет (Амфиотров) совершенно удалились в свои епархии, не принимая участия в работе Синода. О других архиереях и говорить нечего — от них требовалось только безропотное подчинение, а Синод был фактически низведен до уровня исполнительного органа. Тем не менее, именно благодаря напору и решительности Протасова удалось провести многие жизненно необходимые решения и преобразования в церковной жизни.

С начала 1837 г. по указанию императора все дела униатской церкви были переданы в руки нового обер-прокурора [12, с. 339]. Инициативный Протасов, стремившийся ход любого церковного дела держать в своих руках и не полагавшийся на духовенство даже в делах узко церковных, имел заметное предубеждение к православно-

ным архиереям. Вероятно, еще менее он полагался и на униата Иосифа (Семашко). В мае 1838 г. Протасов поручил сотруднику своей канцелярии В.В. Скрипицыну ознакомиться с положением греко-католической церкви в западных губерниях и оценить степень ее готовности к воссоединению. Скрипицын выполнил данное поручение с большой ответственностью – в ходе своего путешествия он отправлял на имя обер-прокурора краткие рапорты, а по возвращении в Санкт-Петербург предоставил подробный отчет о проделанной поездке [6, л. 14–32]. Этот отчет Скрипицын дополнил своими весьма обстоятельными выводами и соображениями, побудившими Протасова активизировать процесс воссоединения. Необходимость действовать привела к появлению нового Секретного комитета, состоявшего уже, сообразно стилю руководства Протасова, исключительно из правительственных и гражданских чиновников.

В конце 1838 г. состоялось заседание «Высочайше учрежденного Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-униатской Церкви» [10, л. 17]. Этот комитет имеет наименование, подчеркивающее, что предметом его попечения будут не просто «дела греко-униатские», а предстоящее воссоединение униатов с православием. Но самой важной чертой этого комитета является иной персональный состав, нежели в Секретном комитете 1835/36 гг. На первых заседаниях комитета в декабре 1838 г. присутствовали совершенно новые лица: шеф жандармов и одновременно Главный начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал А.Х. Бенкендорф, министр государственных имуществ

генерал-адъютант П.Д. Киселев, обер-прокурор Святейшего Синода генерал-майор граф Н.А. Протасов и министр внутренних дел тайный советник Д.Н. Блудов. Таким образом, из состава первоначального комитета, занимавшегося униатскими делами, остался лишь Д.Н. Блудов, причем, если в предыдущем комитете он явно занимал главенствующее положение, теперь его место занял Протасов, отныне руководивший заседаниями. Важно отметить, что Секретный комитет, заседавший в 1835/36 гг., представлял собой достаточно коллегиальный орган, состоящий из представителей всех трех сторон, интересы которых затрагивала его деятельность: православных, униатов и правительства империи. Теперь же мы видим полное отсутствие духовных лиц как с православной, так и с униатской стороны – новый комитет уже полностью состоял из правительственных чиновников, причем представлявшими собою скорее именно «силовые структуры». Подобную трансформацию комитета можно объяснить склонностью Николая I к военизации всего государственного аппарата. Но такой персональный состав Секретного комитета показывает не просто некую «ротацию кадров», а еще и то, что он учреждался для совершенно новых задач. На своих заседаниях в декабре этот комитет рассмотрел поступившие рапорты духовных и светских чиновников, и счел униатское духовенство готовым к воссоединению, отметив, что «неблагоразумно было бы далее откладывать общее воссоединение униатов, для которого время пришло» [10, л. 18]. Комитет так же счел необходимым подчинить греко-униатскую Духовную Коллегию непосредственно Святейшему Правительствующему Синоду (вместо Сената, как это было ранее) и ут-

вердил порядок воссоединения униатов с православной церковью. 4 января 1839 г. состоялось еще одно заседание [8, л. 1–17], на котором был рассмотрен проект «Инструкции Генерал-Губернаторам Западных Губерний». На это заседание «по Высочайшему повелению» были приглашены генерал-губернаторы П.Н. Дьяков и Н.А. Долгоруков. Рассматриваемая комитетом инструкция была составлена на основании конфиденциальных отношений генерал-губернаторов Западного края, адресованных обер-прокурору Н.А. Протасову. По своему содержанию инструкция наиболее близка к «Проекту наставления Генерал-Губернаторам возвращенных от Польши губерний» [7, л. 12–18], составленному князем Н.А. Долгоруковым по устной просьбе членов Секретного комитета и во многом его дословно повторяет, однако, Долгоруков изначально предлагал все же более суровые меры. Было решено поднести этот проект на рассмотрение императора, и в случае успешного утверждения, направить эту инструкцию министру внутренних дел для последующей передачи ее генерал-губернаторам.

Однако деятельность Секретных комитетов, связанных с конфессиональными вопросами в западных губерниях не прекратилась и после проведения Полоцкого собора. Так, 1 августа 1839 г. состоялось заседание «Комитета по принятию мер к устранению в Западных губерниях совращений из православия в католичество» в следующем составе: статс-секретарь действительный тайный советник Д.В. Дашков, управляющий Министерством внутренних дел А.Г. Строганов и знакомые нам по работе предыдущих комитетов министр юстиции Д.Н. Блудов и обер-прокурор Святейшего Синода Н.А. Протасов [9, л. 1–10]. Сохранились

и черновые протоколы заседаний этого комитета с множеством трудных для разбора правок и пометок, хранящиеся в архиве К.С. Сербиновича, в 1836 – 1853 гг. состоявшего директором канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода [10]. Этот комитет рассмотрел меры, необходимые к принятию в западных областях Российской империи для прекращения совращений в католичество: неукоснительное соблюдение изданных ранее указов о строительстве костелов и каплиц только в местах проживания католического населения, строгий контроль за перемещением католического духовенства, запрет духовенству принимать на исповедь людей из других приходов (за исключением случаев тяжелой болезни) и иные подобные меры. Комитет отметил необходимость составления точных списков всех католических приходов со сведениями о причтах, приписных храмах и каплицах, а также совершаемых в них богослужениях. Комитет рассмотрел и порядок действий гражданской власти в случае обнаружения факта совращения в латинство и юридические последствия как для совратителей, так и для совращенных. Но затем комитетом было предложено в дальнейшем все дела о совращениях в латинство из православия и бывшей унии направлять для рассмотрения в Секретный комитет о раскольниках и отступниках, существовавший с 1824 г. и занимавшийся случаями уклонения в раскол, магометанство и различные секты. Это предложение, по-видимому, и было реализовано: в 1842 г. «Проект правил касательно разбора дел о бывших Униатах, уклонившихся в прежнее время в Латинство», составленный обер-прокурором Н.А. Протасовым и министром внутренних дел Л.А. Петровским, был подан уже именно в Секретный комитет о раскольниках

и отступниках. Таким образом, собиравшийся в августе 1839 г. Секретный комитет стал последним учреждением такого типа, создававшимся специально для решения проблем связанных с ликвидацией унии в западных губерниях Российской империи.

Множество противоречий и нерешенных вопросов, раздиравших процесс воссоединения униатов с православия, требовали разрешения и выработки более четких планов действий. Способ разрешения этих проблем был выбран совершенно типичный для николаевской эпохи – путем создания в 1835 г. первого Секретного комитета из узкого круга лиц, обладавших доверием императора. Но опять-таки, согласно распространенной практике той эпохи, этот Секретный комитет не стал долговременным органом, курировавшим и направлявшим все дело воссоединения. Тут же был создан еще один, еще «более секретный» комитет из более узкого круга лиц. Да и сам «большой» комитет, проведя лишь три заседания в 1835/36 гг., фактически прекратил свою деятельность. Передача униатских дел в руки Протасова и необходимость действовать привела к созданию в 1838 г. еще одного Секретного комитета, с другим названием и иным составом его членов. Даже проведение Полоцкого собора не остановила деятельности подобных комитетов – в августе 1839 г. был собран еще один комитет с участием новых членов, передавший дальнейшее решение вопросов в Секретный комитет о раскольниках и отступниках. Таким образом, мы видим, что Секретные комитеты, рассматривавшие униатские дела, целиком повторили судьбу иных многочисленных Секретных комитетов той эпохи. Дореволюционные исследователи, изучавшие деятельность Секретных комитетов в связи с

крестьянским вопросом, отмечали, что первый из этих них, созданный в 1826 г., стал образцом для всех последующих комитетов, повторявших его деятельность, зачастую погребавшую поднятый вопрос, с поразительной точностью [1, с. 202]. Результатом деятельности девяти (!) Секретных комитетов по крестьянскому вопросу в царствование Николая I стало всего три указа, бывших практически бездейственными [1, с. 208]. Приходится признать, что и Секретные комитеты занимавшиеся делами униатов в Российской империи во многом повторили историческую судьбу других подобных комитетов. Даже при столь беглом знакомстве с деятельностью этих комитетов, можно отметить отсутствие всякой последовательности в их деятельности, скорее напоминающее решение эпизодических вопросов, причем иногда совершенно ничтожных в общем деле воссоединения. Весьма кардинальные перемены их составов и большое различие рассматриваемых вопросов исключают и возможность постановки вопроса о некой преемственности в работе комитетов. Таким образом, Секретные комитеты не стали разработчиками и проводниками сколь-либо отчетливой и долговременной политики в отношении греко-католической церкви в Российской империи, лишь фрагментарно участвуя в деле воссоединения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, В.П. Секретные комитеты при Николае I / В.П. Алексеева // Великая реформа. Том II. – Москва : Издание т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 256 С.
2. Зайончковский, А.М. Восточная война, 1853 – 1856. В 2 т. / А.М. Зайончковский. – Санкт-Петербург : ООО «Издательство «Полигон», 2002 – Т. I. – 928 с.

3. Муханов, В.А. Из дневников В.А. Муханова. / В.А. Муханов // Русский архив. – 1897. – Кн. 2. – С. 75–94.
4. Романчук Александр, протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. – Москва – Минск : Издательство Крутицкого подворья, 2015. – 443 с.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 10. Об учреждении Секретного Комитета по делам Грекоунитским.
6. РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 18. Рапорты Камергера Скрипицына по обозрению им Грекоунитской епархии.
7. РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 19. Конфиденциальные отношения Генерал-Губернаторов Западного края по предмету воссоединения униатов.
8. РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 22. Подлинный журнал Высочайше учрежденного Секретного Комитета о мерах касательно воссоединения Грекоунитов с Православною Церковию.
9. РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 23. Подлинный журнал Высочайше учрежденного Секретного Комитета о мерах к устранению в Западных губерниях совращений из Православия в Латинство.
10. РГИА. Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 416. Журнал заседаний секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения греко-униатской церкви с православной с инструкцией генерал-губернаторам Западных губерний по осуществлению воссоединения.
11. Сборник Императорского Русского Исторического Общества : в 148 т. – Санкт-Петербург : В Государ-

- ственной типографии, 1867–1916. – Т. 74 : Журналы Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. – 1891. – 502 с.
12. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700 – 1917 / И.К. Смолич. – Ч. 2. – Москва : Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 800 с.
13. Шавельский Георгий, протоиерей. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / протоиерей Георгий Шавельский – Санкт-Петербург : Тип. «Сельского Вестника», 1910. – 380 с.